

Неслучайная мама для дочки миллионера

Автор:

Мила Дали

Неслучайная мама для дочки миллионера

Мила Дали

Я стала суррогатной матерью, чтобы помочь родителям рассчитаться с долгами. Главное условие клиники – анонимность тех, для кого я рожаю. К несчастью, трудности не закончились, и мне пришлось устроиться няней к самому влиятельному и авторитетному человеку нашего города. У него невеста. Он воспитывает дочь. Но почему с каждым днем я все больше и больше узнаю в глазах малышки свои?

Мила Дали

Неслучайная мама для дочки миллионера

Глава 1

Лера

– Еще год будут показывать по всем каналам Богдана Царёва! Ты смотри, смотри, что вытворяет? Ох...

– Не хочу!

Быстро иду к дивану и выхватываю пульт из рук подруги. Щелкаю кнопкой, выключаю телевизор. Я и так на грани обморока, а Катя только подливает масла в огонь. Глубоко вдыхаю, битый час пытаюсь успокоиться – бесполезно.

Подруга считает мой страх блажью несусветной. Конечно, хорошо рассуждать, пока не влипнешь в ситуацию, что сейчас удушает меня.

Катерина улыбается, снисходительно наблюдает, как я безуспешно застегиваю молнию на спине. Подруга убирает здоровенный поднос с пирожными на столик, тяжело поднимается с дивана и торопится мне помочь.

– Думала, ты не влезешь в бежевое платье после родов, а нет, все такая же тощая.

– Куда уж... С нашими долгами...

– Коллекторы опять приходили? – вжикает замком, разглядывая меня через зеркальное отражение. – Собаки!

Слышу вибрацию телефона и вздрагиваю. Машина такси приехала. Тело окатывает волной неприятного холода, а ладошки потеют.

– Кать, займешь денег? Я все отдам, честное слово. У меня появился шанс, и я не хочу опоздать и упустить его, – складываю ладошки в молитвенном жесте.

Подруга достает из кошелька купюры, сует мне в сумочку и провожает к выходу. Я временно живу у нее, а свою однушку освободила для пожилых родителей, так как уютного коттеджа у нас больше нет.

– Не забывай, Лерка, ты – львица. По натуре победительница! Королева! И никакой грозный монарх тебе не страшен, пусть даже он – сам Царёв.

– Если бы твои слова прибавляли уверенности... – вздохнула, поправляя волосы у лица. – Впервые мне придется общаться с человеком подобного круга. Самая верхушка общества, раздери его черти...

Катя щурится, тратит пару секунд на раздумья, а потом фурией несется обратно в комнату, оставляя меня удивленно смотреть ей вслед. Быстро вернувшись, протягивает флакончик розовых духов:

– На, побрызгайся. Только немного, чтобы ненавязчиво.

– Это лишнее, – отмахиваюсь.

Но Катя давит своим напором в семьдесят пять килограммами живого веса, распыляет аромат мне на макушку:

– Это не твоя туалетка за двести рублей из перехода, а настоящая Франция. Царёв-то точно разбирается в люксовых вещах. Учует и сразу поймет, что ты человек обеспеченный, надежный. Впечатление произведёшь.

Мне хочется закатить глаза, но я догадываюсь о скрытом волнении Кати, пусть она и бодрится. Беру сумочку с документами и рекомендациями из компании “Няни с вами”, распаиваю дверь.

Кажется, в пропасть собираюсь шагнуть, а не в подъезд. С третьего этажа спускаюсь по лестнице. Туфли на низком каблучке, но ступни шатаются как всех пятнадцати еще и с платформой.

Ранняя осень не успела пропитать город серостью и дождем. Ярко на улице, поэтому жмурюсь. Дергаю ручку авто, ощущая тревогу на сердце, сажусь в такси:

– Элитная двадцать пять.

– О...

– Именно.

Сегодня даже пробок нет, как обычно. Будто все обстоятельства желают поскорее свести нас с господином Богданом Царёвым.

Мы двигаемся за город в частный сектор, где особняки под охраной. Где на идеальном асфальте рассекают авто премиум класса. Где я просто обязана заполучить место работы. От этого зависит дальнейшая судьба моих родителей.

Водитель останавливает свою машину у высоченных железных ворот, а рядом на табличке золотыми буквами сияет нужный адрес. Трясущейся рукой расплачиваюсь и ни жива ни мертва выхожу из машины. Оглядываюсь, робко шагаю к владениям Царёва, впиваюсь ногтями в сумку, будто она меня успокоит.

Замираю, когда створки ворот плавно открываются. Я вижу мужчину.

Нет, это не Царёв, а здоровенный амбал, одетый во все черное. С каменным лицом, на котором высечена вся суровость и мощь этого человека. Бывший спецназовец, наверное. Неудивительно – у Богдана целая армия таких мордоворотов.

Невольно тарашусь, когда замечаю у двухметрового охранника пистолет, спрятанный в кобуру. Настоящий. Амбал ухмыляется и смотрит на меня как на что-то неважное. Мелкую сошку и болонку. Он жестом указывает проходить во двор, а у меня ноги будто вросли в каменную дорожку. Естественно, из дорогущего мрамора.

Сглатываю, медленно шагаю. Мне неловко от того, как громко стучат каблуки, и эхо шагов разлетается по огромной территории. По спине прокатывается жар, тугим узлом стягивается в груди. Я все ближе и ближе к особняку, что больше смахивает на дворец.

Еще этот громила мрачной тенью сопровождает позади. Кожей чувствую, как он на меня пялится. Колени предательски слабеют, когда я поднимаюсь по изысканному крыльцу, тянусь, чтобы нажать кнопку звонка, но этого не требуется – через мгновение меня уже встречают на пороге: здесь повсюду камеры, контроль. Служанка в закрытой форме – под стать молчаливому охраннику. Такая же строгая, с гладко собранными в шишку волосами.

– Прошу, – сдержанно говорит, жестом приглашая внутрь.

Да что здесь происходит?! В этом доме запрещено радоваться?! Произносить больше одного слова?! Интересно, а Царёв в курсе, что крепостное право давно

отменили?

Каждая вещица в особняке Богдана фонит престижем, здесь пахнет деньгами и роскошью. Мне боязно смотреть на дизайнерскую мебель и предметы декора. Служанка уводит меня в конец первого этажа и, постучав в дверь, толкает ее, но сама остается на месте.

Мое сердце застревает в горле и ухает обратно, когда у большого окна я вижу силуэт настоящего Царёва, которого прежде видела только по телевизору и в интернет-новостях. Он что-то разглядывает, крепко сжимая руки за спиной.

Осторожничаю, но взгляд нагло залипает на его широких плечах, скрытых белой рубашкой, виднеющихся из-под манжет запястьях. На правом, кстати, у Царёва татуировка. Красивая, разноцветная.

Я делаю шаг ближе к столу, но тут же застываю, когда вживую слышу голос Богдана:

– При слове «удовольствие» что первое тебе приходит на ум?

– Что?..

Глава 2

Я ожидала всего. От банального «здравствуйте» до «вы нам не подходите». В голове звенит кромешная пустота. Одной фразой Царёв вгоняет меня в ступор.

Он медленно разворачивается, одаривая надменным взглядом. Огибает рабочий стол и нерушимой скалой останавливается напротив. Скрещивает руки на груди. Я ощущаю его аромат, свежий, бомбический. Пауза между нами предательски затягивается. Делаю вдох.

– Сыр. Я получаю удовольствие от сыра, – пишу и тут же прикусываю язык.

Какой сыр, Майская? Чувствую, как мои уши начинают пульсировать. Я бы могла ответить, например, чтобы мои родители никогда не были знакомы с мошеннической фирмой срочных кредитов. Или довольствоваться амнезией и не вспоминать, на какой шаг мне самой пришлось решиться. На зачатие в клинике, роды, отказ от ребенка.

Но я выбрала сыр. Хотя терпеть не могу молочку.

– Интересно...

Богдан сосредоточенно испепеляет меня глазами. В упор смотрит, словно в душу. А я уже догорела, в прах превратилась на тонком ментальном уровне. Мужчина, ухмыляясь, возвращается к столу, касается пальцами документа. Контракта, наверное, который заключил с самым элитным агентством по подбору нянь. Я туда не без помощи вклинилась, но сейчас не об этом.

– ...Я расцениваю удовольствие иначе, Валерия. Можете снимать платье.

И опять удар под дых. Да с таким посылом, что я отшатываюсь. Царёв говорит будто между прочим. Неужели прием на работу у него проходит через постель? А как же невеста? Мораль?

Визуально Богдан просто бог, и я прекрасно знаю, сколько охотниц на него слюни пускают. Мужчина влиятелен и сразу выделяется из толпы. Сердце останавливает своими холодными голубыми глазами. Но как на это согласиться? Особенно после его выходки, которую обсуждает весь город.

Благо успеваю придержаться за стенку, а то бы упала. Царёв уже сожрал меня глазами, точно вам говорю. Однако выбора у меня нет. Ради родных я готова землю грызть, лишь бы обезопасить стариков от угроз. У них никого, кроме меня, не осталось... Или?..

– А давайте я вам лучше расскажу о своих профессиональных качествах? Я умею делать детский массаж. Хотите, сертификат покажу? Не хотите? Почему вы так смотрите?..

– Раздевайтесь.

Мне уже против шерсти миллионерские выкрутасы Царёва. Я дрожу, но далеко не от страха. Каков наглец! Это невыносимо! Тянусь руками к застёжке на спине. Ну ничего. Вот отработаю, внесу уплату за долг и засужу тебя, Богдан Александрович, к чертовой матери.

Направляю железную собачку вниз, скрепя сердце принимаю судьбу. Мне жарко, до одури стыдно. Царёв сохраняет величественное спокойствие, в его распоряжении любая, но за закрытыми дверьми роскошного кабинета я. Богдан замечает мое состояние, однако настаивает, не опровергая нахального предложения.

– Помочь, Валерия?

То, что происходит сейчас, на грани фантастики. Мужчине наскучило наблюдать за моей возней. Он движется прямо на меня, останавливается так близко, что я невольно вытягиваюсь перед ним струной.

Богдан контролирует ситуацию. Хладнокровно касается ладонями моих плеч, разворачивает спиной. Трогает волосы, убирая их вправо.

Мой взгляд плывет, и все границы кабинета размываются в единую муть. Кожей чувствую горячее дыхание Царёва, оно окутывает и пропитывает меня. Я слышу лязг замка и все еще плавлюсь от прикосновений Богдана. Он расстегивает молнию и отстраняется, четким шагом двигаясь к выходу.

– Пойдите, а вы куда?

– Сменная одежда на диване, Валерия Михайловна, – делает небрежный жест. – Или вы полагали, что я подпущу вас к дочери в таком виде? Переоденьтесь и обработайте руки антисептиком. Его найдете там же.

Богдан хлопает дверью, оставляя мне на прощание шлейф одеколона и привычный ступор. Он издевается? Кажется, с этим господином будет непросто.

Наедине с собой позволяю шикнуть и раздраженно подхожу к дивану стоимостью как моя однушка. Беру в руки халат из плотной ткани, больше похожий на кимоно. С опаской оглядываюсь, нет ли камер в кабинете. Вроде

отсутствуют.

Суетливо стягиваю платье, взлохмачиваю собранные в хвост волосы, надеваю предложенную вещь и практически утопаю в ней – не по размеру совершенно. Аккуратно сворачиваю платье и кладу на диван. Перед тем как вновь показаться Царёву, примеряю дежурную улыбочку, толкаю дверь и выхожу.

– В анкете я ознакомился только с вашим лицом, Валерия, – оценивающее скользит взглядом по новой одежде, – но не фигурой.

Пряча за спиной руки, Царёв быстро направляется из просторного коридора к лестнице, кивком зазывая с собой. Приподнимая низ халата, как барыня, семеню следом, еле поспевая.

– Рабочий день с восьми до пяти. Верно? – запыхаясь на шестой лестничной ступеньке, решаю уточнить детали.

– А что если я вам скажу двадцать четыре на семь?

Богдан выпрямляет стать и терпеливо дожидается меня, взволнованную, наверху. Конечно, ему-то легко с такими широкими шагами. Как ураган летает.

Перевожу дыхание и удивленно хлопаю ресницами, услышав выдвинутые Богданом условия. Миллионерам можно все? Именно так считает Царёв, фразами загоняя меня в тупик.

– А как же время на дорогу? Знаете, на автобусе до вас добираться около часа...

– Будете жить здесь. Мне в любой момент может потребоваться ваша помощь.

Какая? В качестве болванки, на которой можно оттачивать свой цинизм? Так не требуется. Вам, господин, в этом искусстве равных нет. Можно черный пояс выдавать.

– Хорошо, – сквозь стиснутые зубы отвечаю, стараясь сохранять милую физиономию.

Богдан приподнимает бровь:

– Так улыбаетесь... Будто я уже подписал контракт о вашем приеме на работу.

– А разве нет?

– Договор в моих руках отсутствует, – острой шпилькой вонзаются слова мужчины. – Идемте.

Я снова топаю каблуками по лакированному паркету. Особняк бизнесмена кажется бесконечным. Вот для чего ему столько квадратов? Тут с легкостью можно организовать отель.

В самом конце этажа я замечаю дверь, и она светлее остальных. Богдан останавливается, наверное, вспомнил о галантности, потому что, толкнув ее, пропускает меня вперед. Как мило. Я почти оценила.

Опять сгребаю подол, делаю шаг, но дальше проходить не решаюсь. Хочется открыть рот в изумлении, любуясь интерьером детской. Здесь все такое розовое и зефирное. Над резной колыбелью висит балдахин, а стены расписаны цветами и бабочками. Как стильно, всегда о такой мечтала.

– Пришлось сослать дизайнера в Сибирь, – железным тоном произносит Богдан, заставляя меня обернуться и посмотреть ему в глаза.

– Зачем?..

– Безвкусица. Пусть лесорубам вагончики разукрашивает.

Царёв хмурится, когда его взгляд въедается в арты. Дотрагивается и рукой чуть подталкивает меня, плотно закрывает дверь.

Ох. Слишком горячо ощущается его ладонь на моей пояснице. Пальцы немеют от его прикосновения. Вроде ничего особенного, но действуют странно. Наверное, я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что Богдан – реальный человек, а не герой из параллельной Вселенной. Он опускает руку и шагает к кровати.

Выдыхаю, успокаиваясь, и следую за ним. И все тревоги улетучиваются, когда Царёв осторожно убирает край балдахина и знакомит со своей дочерью.

Улыбаюсь. Искренне, не так, как в наглую морду Богдана. Я вижу годовалую кроху с румяными пухлыми щечками. Совсем малышка, а уже красotka.

В ней сразу прослеживается некий шарм, харизма. И она явно не похожа на папашу с его арктическими чертами. Нет, девочка другая. За километр породу видно! Мать, наверное, у нее фотомодель или актриса. Но точно не новая невеста, с которой сейчас крутит роман Царёв.

Инна появилась не так давно в его жизни, я тщательно слежу за их страничками в соцсетях. Не знаю, каким способом, но ей удалось уговорить миллионера на свадьбу. Наверное, при помощи магии – других объяснений у меня нет. Сейчас девица активно постит фотографии из Милана. На шопинг отправилась. Конечно же, за счет Царёва. Разгуливает по элитным бутикам, демонстрируя местным свою перекроенную внешность.

Претендентку на место матери Царёв уж точно выбирал долго, а может, и по любви женится.

– Знакомьтесь, моя дочь Александра.

– Сашулька... Она прелесть!

Забываясь, позволяю себе неофициальный тон. Складываю руки на боковины колыбели и немножко покачиваю.

– Александра.

– Ну какая же Александра? Ей всего годик.

Богдан на секунду замирает, он не привык слышать возражения. Я прихожу в себя, отстраняясь от кроватки, и с испугом разглядываю Царёва. Кусаю губы, и вся жизнь проносится перед глазами. Богдан может в любой момент меня вышвырнуть. Нужно собраться и больше не допускать ошибок.

– Что вы будете делать, если у Александры поднимется температура? Случится пожар? – одним шагом Царёв сокращает расстояние между нами практически до нуля. – Вдруг заявятся похитители?

Запугивает, что ли? Разве могут быть враги у такого человека как Царёв? Куда уж хуже?

– Скорая, пожарная, полиция, – подобно автомату, выстреливаю каждый ответ.

– Неправильно...

Он говорит тихо, но так твердо, что я вжимаю голову в плечи. Богдан склоняется, обхватывает двумя пальцами мой подбородок и снова возвращает лицо.

– ...Мне. Первым делом нужно осведомить меня, потом все остальное. Вале-е-ерия...

– Ясненько.

Так и хочется ответить «ясненько, мой командир», но, естественно, сдерживаюсь. Царёв ценит исключительно свои несмешные шуточки.

– Испытательный срок неделя. Если меня все утроит, он тоже будет оплачен, – строго бросает и опускает взгляд на мои губы.

Да так внимательно смотрит, словно поцеловать хочет. Но такого же не бывает? С чего бы вдруг ему сдалась я? Нянька. Да еще и с сомнительным перечнем рекомендаций.

А Богдан улыбается. Почти незаметно.

У меня спина намокает, когда наблюдаю, как подрагивают его ресницы. Он нежно проводит большим пальцем по моей щеке, еле уловимо касается нижней губы. Коленки тут же подгибаются, сердце рвется от паники, превращая кровь в раскаленное железо. Так не бывает.

Я закрываю глаза и на ощупь нахожу запястье Богдана, второе. Холодными ладошками дотрагиваюсь. Ну и ну... Кожа Царёва невероятно горячая, и от нее исходит аромат. Такой никогда не забудешь. Приятный, мужской. Так пахнут победители.

Царёв дышит, и я вбираю этот воздух в легкие, ощущая Богдана намного ближе, чем следовало бы.

Мои веки закрыты, и складывается ощущение, будто границы вокруг нас рушатся по крупицам, а время теряет счет. Остается лишь пустота, в которой я различаю, как тикают часы на руке Богдана, как щебечут птицы за большим панорамным окном и даже шаги прислуги на первом этаже.

Богдан чуть надавливает на мои губы, снова и снова поглаживает пальцем. Он молчит и ничего не предпринимает, заставляет меня содрогаться от ожидания. Это невыносимо. Хуже любой пытки.

– Что вы делаете?

Глава 3

– Салфеткой нужно пользоваться, Валерия Михайловна. Неаккуратно кушаете.

Это неправда. Перед выходом из дома подруги успела поглядеться в зеркало тысячу раз и ничего, кроме бесцветной помады, на моих губах не было. Тем более остатков еды.

Вспыхиваю подобно факелу. Отстраняюсь, и Богдан нехотя убирает руку от моего лица. Прячет ее карман брюк.

– Проверка такая, да?

– Даже не пытался. Вы просто очень любите сладкое. После сыра, естественно. Проследуем в кабинет.

Откуда он знает? Неужели агенты Царёва повсюду, и Катькина хрущевка не исключение? Но делать нечего, и я в своем кимоно покорно иду по привычному маршруту. Наверное, представлять себя не в доме работодателя, а как на пороховой бочке, это побочный эффект приличного оклада, обещанного Царёвым.

В кабинете Богдан замечает оставленное мной платье, задерживая на нем взгляд. Занимает кресло у стола. Я усаживаюсь на краешек дивана. Мужчина берет в руки контракт и слишком внимательно изучает информацию. Каждое словечко проверяет.

– Пять лет практики... восхитительно. – Он произносит так, будто не восхитительно. С усмешкой. – А как же институт?

– Заочное обучение.

Мне есть что ответить, глядя на сосредоточенного Царёва.

– Ответственная, легко находит контакт с детьми, неконфликтная.

– Да, Богдан Александрович.

Мужчина расслабленно откидывается на спинку, возвращает контракт на стол. Прокатывается на кресле влево и вправо, смотрит на меня. В упор.

– Вот стоите вы, Валерия Михайловна, в очереди на прием к педиатру. И тут нежданно какая-нибудь особа начинает с вами скандалить. А вы и возразить не сможете. Неконфликтная же.

– Я найду что сказать, не сомневайтесь.

Царёв одобрительно кивает, все так же не сводя с меня взгляда.

– Стрессоустойчивая? С этим бы я поспорил.

– Иногда бывают ситуации, которые выбивают из колеи, но я быстро мобилизуюсь!

Господин Царёв будто с Олимпа взирает на меня сирую. Однако я наполняюсь трепетом, когда он вновь склоняется к документу. Затаив дыхание, наблюдаю, как берет ручку и ставит заветную подпись. Мне хочется вскрикнуть от радости и благодарить всех, но приходится молчать.

Айфон Богдана оживает звонкой мелодией, заставляя его отвлечься от допроса с пристрастием и переключиться на звонок. Мужчина хмурится, начинает выражаться на своей бизнесменской латыни. Он говорит об офшорах и денежных инвестициях. О реализации товара в Китае.

Только успевает закончить разговор и кладет телефон на стол экраном вверх, устройство снова разрывается мелодией. Я невольно устремляю взгляд и вижу, как высвечивается фотография Инны. Соскучилась, наверное. Или все денежки успела спустить.

– Позже.

Ни «алло, Зай» или «привет, милая» я не услышала. Лишь сдержанное «позже». Богдан холоден со всеми, эдакий сухарь в золотой обертке. Но мне на это совершенно плевать. Да. Я вроде принята на работу. Царёв откладывает телефон в сторону и требует мой паспорт. Скептически раскрывает его и несколько минут смотрит то на фотографию, то на меня.

– Просто я очень похудела, – не выдерживаю снова и опережаю возможные расспросы объяснением.

– Заметно. Что ж... – ударяет ладонями по столешнице и поднимается на ноги. – Я покажу вашу комнату.

Из кабинета я не выхожу, а словно лечу. Поднимаюсь за Царёвым на третий этаж его миллионерской обители. Здесь интерьер проще, и квадраты приходятся под самую крышу. Богдан спешно рассказывает, где находятся уборные и душевые для прислуги. Место их трапезы. В финале подводит меня к темной дубовой двери. Шарит рукой в кармане и достает ключ. Открывает замок.

Я захожу в спальню без роскошных канделябров, все скромно, но функционально. Тут пахнет кондиционером для белья, и окошко почти во всю

стену.

Интересно, как Царёв отреагирует, если попрошу завесить начищенные стекла шторами? Попозже узнаю.

– Когда мне приступать к обязанностям?

– С завтрашнего дня. А пока можете перевезти личные вещи.

– Поняла вас, Богдан Александрович.

Чуть склоняю голову, в реверанс не приседаю, но, думаю, подобные почести для Царёва рутина.

– На автобусе баулы потащите или как?

А ему есть дело? Или хочет показаться тактичным? Ох, не доверяю я этим селебрити.

– Да, но вы не волнуйтесь, – добродушно отвечаю и отмахиваюсь рукой, – я вовремя вернусь.

– Вас отвезет мой водитель.

– Не нужно...

Пытаюсь отказать уже спине Царёва, потому что мужчина не считает нужным продолжать со мной беседы. Он слишком занятой человек, потративший аж целый час на болтовню с нянькой. Хлопает дверью и теряется в недрах своего особняка.

Я, пошагав из угла в угол, отмечаю удобный ортопедический матрас на двуспальной кровати, корпусную мебель с прямыми углами, лишенную декора, маленький телевизор и большой вазон с непонятным растением в углу.

Как-то не вписывается в серые стены совсем. Для фотосинтеза тут? Или чтобы я поливала?

Медленно двигаюсь к окну, обнимаю себя руками и залипаю на альпийскую горку во дворе. А позади нее фонтан. Красиво жить не запретишь, и, очевидно, Богдан ни в чем себе не отказывает, всегда получает то, что хочет.

Вздрагиваю и отвлекаюсь от своих мыслей, когда позади раздается скрип двери.

– Валерия, – слышу до колик знакомый тон.

– Да, Богдан Александрович?..

Царёв – хозяин всего, он и не думал стучаться перед тем, как снова почтить своим вниманием. Он проходит в комнату, бросает на кровать вещи:

– Платье забыли и ридикюль. – Уже привычно кидает мимолетный взгляд, но в этот раз задерживается на вырезе кимоно. Богдан предупреждает о готовности водителя к поездке и удаляется, оставляя меня одну: – До вечера.

Когда дверь в комнату закрывается, я подбегаю к ней и, прислонившись ухом, концентрируюсь. Слышу отдаляющиеся шаги Царёва и, наконец, выдыхаю.

Нехорошо заставлять водителя долго ждать. Поэтому снимаю кимоно и спешно натягиваю свое платье. Я уже собиралась выходить, но телефон в сумочке гудит вибрацией.

Суматошно копошусь, достаю трубку. На экране высвечивается дама. Директор агентства по подбору нянь, не слишком приятная особа, мелочная. Впрочем, сегодня я готова повесить фото худосочной женщины с крашеными волосами в рамку и молиться на нее как на образок. Конечно, она еще потребует мзду, и мне придется отплатить, но это позже. Главное, рассчитаться с долгами родных.

– Как все прошло?

Расчетливость в ее голосе так и сочится через динамик. Женщина тоже рискует, но алчность превыше всего.

– Удачно, Агнесса Филипповна, – тихонько шепчу в ответ, – спасибо, что посоветовали представителю Царёва именно меня.

– Спасибо в карман не положишь. Нужно, чтобы Царёв лично написал отзыв о нашей фирме на сайте. А еще лучше – сфотографировался у здания и опубликовал снимок в социальную сеть! – Откровенно раскатывает губу директриса. – У меня клиент, я отключаюсь. Чао!

Как и в любой деловой организации, в агентстве есть некая иерархическая лестница сотрудниц. Точнее, нянь. Тех, кого рекомендуют в первую очередь для самых состоятельных родителей. Опытных от корней волос до кончиков пальцев на ногах нянь.

Я же вращалась на средних кругах и если бы не проявила хитрость, видела бы особняк Царёва только во сне. Как и самого Богдана. Я знала о пристрастиях Агнессы к материальным благам и предложила в обмен на резюме для Богдана сделку: упросить Царёва лично прорекламировать агентство, причем безвозмездно. Агнесса очень дорожит репутацией, однако прибыль в случае форта покроет всякие риски.

Но добиться от Богдана похвалы сложно, равноценно восхождению на Эверест. За него все делают представители, охранники и юристы...

На душе повисает тяжкий ком. С досадой кидаю телефон в сумочку, хватаюсь за голову. Залипаю пару секунд на цветочный горшок, беру сумку и быстрым шагом двигаюсь вон.

Спускаюсь по винтовой лестнице на первый этаж, замечаю служанку, что мрачной статуей притаилась у камина и будто испепеляет меня угольками глаз. Следит за каждым действием. Я мимолетно улыбаюсь в ответ, толкаю стальную дверь. Толстенную. Бронированную, наверное.

Во дворе солнце теплом припекает макушку, с таким же приятным теплом на меня смотрит мужчина. Лет сорока в черном костюме.

– Валерия?

– Ага.

Заполошно топаю по каменной дорожке и размахиваю руками. Автоматические ворота перед нами распахиваются, и за территорией особняка я вижу серебристый внедорожник. Глянцем переливается на свету. Новенький совсем, предел мечтаний. Чувствую себя первой леди, когда мужчина в черном костюме открывает для меня дверцу.

Я усаживаюсь в салон, ощущая запах дорогой кожи и ненавязчивый – ароматизатора. Мужчина занимает водительское место и плавно въезжает на проезжую часть. Внутри автомобиля тихо, комфортно.

Я пялюсь сквозь тонированное стекло на улочки и поверить не могу, что все складывается так удачно. Подозрительно хорошо. Никогда бы не подумала, что пущусь в подобную авантюру. Опасную игру с мужчиной, который держит весь город. Не дай боже Царёв узнает правду. Не поздоровится всем.

Мы проезжаем окрестности частного сектора и центр, сворачиваем с перекрестка и движемся по старому району. Минуем арку, и водитель притормаживает у Каткиной пятиэтажки.

Роскошный автомобиль Царёва тут же привлекает всеобщее внимание. Мамочки на детской площадке с интересом посматривают, как я лебедью выплываю из машины. Надеюсь, бабульки у подъезда на лавочке не подумают про меня ничего низменного.

Говорю водителю, что вернусь минут через двадцать, топаю к дому, ввожу код на домофоне. Сегодня Шура опять жарит карасей, пойманных еще при власти Петра I, вонь стоит аж ноздри щиплет. А вообще кажется, что сразу после Петра все влияние перешло как раз в мощные руки Царёва и фиг теперь кто отнимет.

По лестнице спешу подняться к подруге на этаж – успеть бы и не задохнуться от Шуркиных карасей. Останавливаюсь перед дверью, судорожно тренькаю звонком и вскоре чуть не получаю дверь по лбу. Вижу подругу. Катя с бешеными глазами и лохматой дулькой скалится во весь рот:

– Приняли?!

– Ох... чего мне это стоило...

Подруга почти насильно затаскивает меня в квартиру, желая подробностей. Она переминается с ноги на ногу, от нетерпения растягивает и так растянутую футболку.

– Ну как там? Невесту его видела? Стерва, наверное, лютая. Да?

Лучше бы не знакомиться с ней вовсе. Скандальной славой окутана ее личность во всех слоях населения. Та еще акула, по головам идущая.

Я срываюсь с места, и наш разговор продолжается в суете. Бесконечные вопросы льются из уст Кати как из рога изобилия. Присаживаюсь на корточки, достаю из-под кровати свой чемодан, а подруга снимает с вешалки мои тряпки. Я снова слышу вибрацию и нервничаю. Встаю, чтобы ответить на телефонный звонок, но Катя меня опережает.

– Кто там еще?

Взволнованно говорю, а подруга плечами дергает.

– Ноунейм. Скрытый номер беспокоит.

Глава 4

Не припомню, чтобы мои знакомые прятали свои номера. С опаской поглядывая на Катю, забираю телефон, пальцем веду по сенсору и отвечаю. По ту сторону раздаются помехи и хриплые голоса, а потом тот, который я узнаю из тысячи:

– Кхм... Валерия Михайловна, – безразличным тоном говорит Богдан, – каким размером ваша грудь?

Ошарашенно таращусь на подругу. Она разговора не слышит, но от моего вида тоже округляет глаза.

– Извините, а это имеет значение?

Неуверенно касаюсь своей единички – похвастаться аппетитной фигурой не могу.

– Нужны мерки для пошива вашей формы, говорите быстрее, у меня мало времени.

Царёв откровенно раздражается и даже через динамик чувствуются пульсирующие волны недовольства. Зачем же тогда сам звонишь, если занят? Будто приспешников нет в наличии, Богдан-ущипни-тебя-черти-Александрович.

Я называю размер и получаю вместо прощания лишь холодные гудки. Тоже мне...

Катя видит, как я надуваю щеки и фырчу.

– Царёв звонил? По моське твоей сразу заметно. Что хотел? – азартно потирает ладошки подруга.

– Мерки спрашивал.

– Ох, до добра не доведут эти разговорчики. Тет-а-тет. Будь осторожна, Лерка. Богачи избалованные, поиграется да забудет. А мне потом нытьё слушать!

С руками в боках строжится Катя, наблюдая, как я укладываю последнюю кофту в чемодан.

– Просто рабочий момент. У него невеста, свадьба в конце месяца, – ни с чего вдруг начинаю оправдываться. – Я всего лишь нянька, да и вообще Игорь скоро прилетит из Челябинска. Для чего мне Богдан? А уж я ему – тем более...

– Второй год летит, Лер. Тоже мне любовь по переписке! На зоне твой Игорь срок мотает. Сними макароны с ушей.

Кажется, мне пора поторопиться, чтобы не ответить подруге крепким словцом. Игорь – занятой бизнесмен. Не такой как Царёв, но все же. У него своя фирма по

производству декоративных кружек. Хочешь с фотографией, хочешь в форме звезды. Любой каприз за счет покупателей.

Мы не раз общались по скайпу, и на заднем фоне был исключительно стильный интерьер, но никак не нары с уголовниками. А Кате хоть кол на голове теши – все равно не верит. И спорить с ней я не собираюсь.

Придавливая коленкой чемодан, застегиваю молнию. Сдуваю с лица выпавшую прядь, поднимаюсь и качу пожитки к выходу. А подруга фурией за мной.

– Отзванивайся каждый вечер, Лер. Я волнуюсь.

Ну что с ней поделать? Обнимаемся на прощание, и я вновь спускаюсь на улицу к той же серебристой машине. Водитель помогает мне уложить чемодан, дверцу в авто сама открываю и плюхаюсь на сиденье. Сегодня весь двор будет гудеть о том, каким способом Майская оказалась в салоне такого роскошного авто.

По пути в особняк Царёва скрашиваю время серфингом по социальным сетям, любясь новыми фото Инночки. Вообще-то жених не должен видеть подвенечное платье до свадьбы, но девица решила устроить опрос среди подписчиков, выставив дюжину снимков в белом. А мне без разницы. Да.

На горизонте возвышаются изысканные хвойные деревья, что украшают въезд в коттеджный поселок. Преградой выставленные заборы, скрывающие соседские владения. Мы же останавливаемся у самого пафосного особняка. Позолота на воротах здесь только у Царёва.

Я не Богдан, чтобы меня встречали с почестями, поэтому выхожу из авто, водитель достает чемодан из багажника, хватаюсь за ручку поклажи и сама качу по двору к дому. Справа замечаю садовника, что подравнивает идеальные овалы подстриженных кустов. Приветливо с ним здороваюсь. Нужно потихоньку вливаться в коллектив, однако меня принимают неохотно.

Я топаю каблуками по мраморной дорожке, и чувствую озноб. Рефлекторно оборачиваюсь. Возле гаража с автопарком Богдана снова вижу охранника, который провожал меня в дом. Его лицо больше походит на волчью морду, он прячет кулаки в карманы брюк и, не сводя с меня взгляда, облизывается.

Я вздрагиваю, интуитивно ощущая опасность, и ускоряю шаг. Категорически не нравится мне этот амбал. От таких людей надо держаться подальше, но мы на одной территории, и сделать это будет непросто.

Толкаю дверь особняка и подпрыгиваю на месте. Служанка остановилась у порога и не пропускает меня дальше.

– Ты не владелица, чтобы разгуливать с парадного входа. Обойди дом, на заднем дворе найдешь запасную дверь!

– Я не знала...

– Два раза повторять не буду.

Ой-ой, сколько надменности слышу в каждом слове жилистой дамы! Наверное, из-за чванливости ее физиономия так рано стала напоминать курагу. Но спорить я, естественно, не буду. По крайней мере, в первый день. В моей рекомендации же написано – неконфликтная.

Мысленно считаю до трех и, стиснув зубы, волоку тяжелый чемодан обратно по ступеням. Мою руку, которой я тяну поклажу, словно кипятком ошпаривает, когда сверху на нее ложится чужая ладонь:

– Помочь?

Амбал подкрадывается незаметно, как хищник, и всей мощью препятствует моему движению.

– Нет, спасибо... – пытаюсь вежливо отказаться.

Охранник лыбится, от чего на небритых щеках появляются складки. Я смотрю в его глаза, но различаю в них лишь ядовитый блеск.

– Не сопротивляйся, – напористой дергает чемодан, но я вцепилась мертвой хваткой.

– Я же сказала – нет!

Не из вредности спору, просто не хочу иметь с ним ничего общего. Верзила может принять мое согласие за кокетство, а я в кошмарах видела таких ухажеров. Мужчина скалится шире, демонстрируя мне белую пасть. Конечно, он сильнее. Не желая уступать, рвет чемодан так, что я по инерции лечу за ним следом и врезаюсь в рубашку охранника лицом.

– Какая строптивая... Не ласкали давно?

– Не ваше дело.

Едва успеваю отпрянуть, как мужчина снова прижимает меня к себе, надежно взяв рукой за поясницу. Ткани моего платья и его брюк настолько близко, что еще чуть-чуть, и я насквозь пропитаюсь едким цитрусовым одеколоном верзилы. Уж парфюма он на себя лить не жалеет.

– А ты красивая, нянька. Хрупкая, и кожа у тебя как сливки. Гладкая, наверное, везде.

– Убери руки! – визжу, когда охранник дотрагивается до моей щеки, и шлепаю ладонью его запястье. Змеей изворачиваюсь. – Богдан Александрович в курсе, что вы творите в его отсутствие?!

– Мы никому не скажем, – рычит мне на ухо мужчина, а я отворачиваюсь.

Мотаю головой и кричу садовнику о своей беде. Но дед, что ловко орудует секатором, предпочитает не вмешиваться. Даже не смотрит в нашу сторону. Вздвигиваюсь в стальных руках верзилы и колочу его в грудь.

– Отпусти, я все расскажу Богдану!

Мужчина замирает, но вовсе не от угроз, а чтобы еще раз насладиться дрожью, которая сковала мое тело. Улыбается и все же решает меня освободить, отстраняясь на полшага.

Отпрыгиваю, как от раскаленного железа, пусть ожогов не останется, но синяки обеспечены. Отпрыгиваю и, не удержав равновесие, валюсь с ног, больно ударяюсь бедром о каменный бордюр на дорожке. Шикаю, растираю кожу и тут

же поднимаюсь снова.

– Меня зовут Наур.

Мужчина в черном костюме с темными, как смоль, волосами снисходительно наблюдает за мной. Дикий грубиян касается пряжки своего ремня и делает пошлый жест. Быстро хватаюсь за чемодан, задыхаясь от сбившегося сердечного ритма. Прихрамывая, бегу на задний двор, не различая газона и дорожки – плевать, лишь бы подальше от этого ненормального.

Мои ноги заплетаются, но я огибаю толстые стены особняка и сразу за углом нахожу еще один вход, не такой помпезный, как главный. Взбираюсь по ступенькам, пулей влетаю в дом и громко хлопаю дверь. Останавливаюсь, понимая, что от ужаса перестала ощущать дискомфорт после падения.

– Что у тебя в сумке?

Противная служанка поджидает меня и здесь. Она взмахивает худой рукой с синюшными венами и хмурит брови. А я морщусь, увидев мокрые круги у нее под мышками. Впиваюсь в свой чемодан пальцами как в великую ценность. Мне хочется обойти женщину, делаю шаг влево – она за мной. Вправо – делает то же самое.

– Вещи. Личные. Не для посторонних глаз.

– Показывай!

Да что тут за порядки?! Как собаки накинулись и окружили со всех сторон. Я всего лишь нянька, но обращаются со мной хуже некуда. Интересно, самодурство в особняке Царёва передается воздушно-капельным путем или с чьей-то легкой подачи?

– Отстань.

Достаточно. Я не желаю ругаться, но и плясать под дудку кретинизма не намерена. Решительно ступаю вперед, и мне приходится задеть плечом служанку, чтобы отделаться от нее. Минуя кладовые и кухню, иду в гостиную, а

потом наверх напрямиком на третий этаж в комнату, которую выделил мне Богдан.

Устало бросаю чемодан на пол и растираю затекшие руки. Выдыхаю через рот, вспоминаю, что Царёв оставил ключ на полке рядом с дверью. Проворачиваю замок и для надежности не вынимаю ключ из скважины.

Сажусь на край постели, перевожу дух. Даже поплакать немного захотелось, но окунуться в меланхолию не удастся – мой телефон вибрирует. Звонит мама.

– Коллекторы опять приходили. Всю площадку исписали словами матерными. Грозилась квартиру поджечь, если в конце месяца не вернем деньги.

– Сволочи. Вы, мама, дверь им не открывайте, – сдавливаю тревогу, что терновыми прутьями уже искалечила душу, но перед родными нужно быть стойкой, – я отмою подъезд. Отпрошусь на выходной и все вымою...

– Тебя приняли на работу? Слава богу... – с облегчением стонет мама.

Я у них поздний ребенок, родители уже на пенсии. Бойким тоном описываю атмосферу в доме Царёва как праздничную, а у самой зла не хватает.

Отключаюсь. Бросаю телефон на матрас.

Влиятельной поддержки у меня нет, и идти против шарашкиной конторы кредиторов – идея провальная. Я уже сделала все возможное: продала украшения и консультировалась у юристов. Оказалось, что шарлатаны не пальцем деланные, и со стороны закона у них все на мази. В отличие от нашей семьи.

А всего лишь собирались купить маме шубу. Сушная ерунда, а все завертелось, как снежный ком. Теперь мы и без шубы, и без дома. Да еще и с псами-коллекторами бонусом. Господи.

Смахиваю с глаз слезы и поворачиваюсь к окну. К прозрачным стеклам, что делают стену подобием витрины.

Этот. Стоит. Наур. Скрестил лапы на груди и пялится на меня со двора. Как одержимый.

По спине тут же проскальзывает неприятный холодок. Я крадусь с постели и усаживаюсь на пол, пожав колени. Прячусь от мужчины за кроватью, считая минуты до возвращения Богдана. Продумываю диалог – как лучше преподнести ему ситуацию.

Надеюсь, господин не знает, что позволяют себе работники, пока он работает. В какой пляс пускаются мыши, едва кот предоставляет им время без контроля.

Постепенно успокаиваюсь, адреналин уходит, и боль в бедре возвращается. Сколько могу – терплю, но потом не выдерживаю и на четвереньках подползаю к чемодану, откидываю крышку и достаю маленькую аптечку. Без воды прожеваю две таблетки горького анальгетика и, придерживаясь за кровать, поднимаюсь на ноги.

Мои окна выходят на скрытую часть двора, поэтому увидеть возвращение Царёва невозможно. Зато радует исчезновение навязчивого Наура.

Ложусь на постель и беру телефон. Прислушиваюсь к каждому шороху по ту сторону двери. Повара гремят в кухне посудой, ожидая Богдана к ужину. Где остальные – не имею понятия.

Через час по особняку разлетается громкий командирский тон. Никогда бы не подумала, что буду настолько рада встречи с Царёвым. Я, встрепёнувшись, подсакиваю и вновь приникаю к дверному полотну.

А Богдан почему-то ругается. Может, не время сейчас показываться ему на глаза?

Глава 5

Богдан

Два года назад

Я встаю каждое утро в половине седьмого. Занимаюсь финансовыми рынками и экспортом металлопродукции в Китай. Поэтому ранний подъем для меня очень важен. Не хочу сказать, что моя работа важнее, допустим, учителя или расклейщика рекламок – это хорошие и уважаемые профессии. Просто я еду из пригорода, собирая по пути всю соль загазованных пробок.

Поднимаюсь с кровати и сразу иду в душ, чтобы хорошенько освежиться гелем с ароматом морского бриза. Третий год его покупаю, потому что привык. Укладывать волосы феном и одеваться в люксовый костюм мне совершенно не хочется, но статус не позволяет выглядеть иначе.

Я владелец крупной империи, которую основал мой дед, унаследовал отец и далее я – по семейной цепочке.

На первом этаже в столовой меня ожидает чашка крепкого кофе, что заблаговременно приготовила служанка Самара. Толковая женщина, по этой причине она еще держит положение в моем особняке и не послана к чертям, как предыдущие кандидатки.

На ходу проглатываю напиток и ровно в семь выхожу из дома во двор, где водитель уже разогрел мой новенький «БМВ». Он открывает мне дверцу, и я, уставившись в папку с контрактом, сажусь на заднее сиденье.

В комфортабельном салоне можно вытянуть ноги и вздремнуть, но я сосредоточен до тика в правом глазу. Не в моей привычке расслабляться. Никогда не слушаю музыку по пути, хоть дорога и отнимает целый час драгоценного времени.

Сегодня я особенно напряжен, потому что держу в руках контракт, который собираюсь заключить с клиникой по оплодотворению ЭКО. Не думал, что докачусь до такого. Сегодня я особенно напряжен и доверил проведение крупной сделки заместителю, хотя предпочитаю заниматься этим сам. Империя большая, и деньги через нас проходят немалые.

Залипая глазами в печатный текст на листах, миную трассу и первые многоэтажки. Не могу назвать себя эмоциональным, но испытываю легкий

мандраж, когда на горизонте показываются белоснежные стены клиники. Странное чувство, почти забытое.

Номера авто “666” известны всем в нашем городе. Наплевавший на спорт охранник замечает нас из будки КПП и тут же поднимает шлагбаум. Мы въезжаем на территорию, вполне приличную, если не обращать внимания на чудовищно безвкусные клумбы с ромашками и лилиями. Руки бы оторвал дизайнеру.

Выхожу из авто, захватив контракт, и спешу внутрь здания. Сомнительная конторка, как по мне, но лучше нет даже в столице.

Я убежденный холостяк, однако мне нужен ребенок. Наследник. Мальчик, девочка – неважно. Я сумею воспитать достойного человека, кому не стыдно и не страшно будет передать империю. С зачатием естественным путем проблем бы не возникло, но, зная охотниц за чужим состоянием, больше люблю контрацепцию. А ребенка хочу родного, благо медицинский прогресс не стоит на месте.

Я поднимаюсь по начищенным до глянца ступеням, толкаю стеклянную дверь и оказываюсь в холе.

Терпеливо стискиваю зубы, наблюдая всеобщее внимание. Преимущественно женское и навязчиво-удивленное. Конечно, сам Богдан Царёв явился. Смотрят все – даже пожилая дама с тряпкой перестала тереть зеркало в гардеробе. Интересно, как часто уборщица ее дезинфицирует?

Внутри клиники строгий режим, и бахилы на ногах посетителей – обязательный атрибут. Но главврач надевать целлофанки на мои туфли не просит, а лично спешит ко мне, едва створки лифта распахиваются. На ходу она тянет руку для приветствия, а я лишь замечаю красную помаду у нее на зубах. Видимо, решила произвести впечатление на меня ярким макияжем.

– Пройдемте в кабинет, Богдан Александрович!

От волнения лебезит и уводит на четвертый этаж клиники. Признаться, тут действительно чисто, что уже плюс. Начиная от ступеней, заканчивая плинтусами в кабинете. Будто готовились к моему прибытию заранее.

Я усаживаюсь в кресло, и Таисия Павловна делает то же самое. Нас разделяет стол, на который кладу чуть смятый пальцами контракт. Остается подписать и обсудить детали. Таисия разворачивает ко мне монитор, на экране загораются фото женщин.

– Нина, – указывает шариковой ручкой на первое изображение, – прекрасная кандидатура. У нее самой двое детей. Молодая, проверенная, вредных привычек нет и...

– Не в моем вкусе.

Перебиваю врача, и она от растерянности приподнимает брови. Да, мне нужен ребенок, вот только имеется один нюанс.

– Богдан Александрович, внешность не имеет значения, главное – здоровье. Нина будет в качестве сосуда. Понимаете? Генетически малыш родится похожим на вас и вашу спутницу. Мы берем донорские клетки...

– Не нужно разговаривать со мной как с пятилетним! – стучу кулаком по столу, – Я это все знаю.

Естественно, перед тем как пойти на такой ответственный шаг, мне пришлось изучить тему, чтобы минимизировать риски. Мой жизненный план расписан на десять лет вперед, и я не хочу его нарушать.

– Отлично, продолжаем.

Профессионально сглаживает мой тон и поправляет очки Таисия.

– У меня нет спутницы. Подберите подходящий вариант.

Звучит слегка цинично, но я не лгу. За неимением возлюбленной, которая так и осталась во времена институтской молодости, я окончательно погряз в работу. Конечно, регулярный интим присутствует – для разрядки, ничего большего.

А Таисия тушуеться откровенно, моментально краснеет. Она в курсе, что отказ мне будет равноценен харакири. И бесконечным проверкам с инстанций Минздрава в придачу. Я неотрывно прожигаю глазами врача до пота на ее лбу. Дрожит вся. Но я тоже не в игрульки играть сюда приехал.

– Вы же знаете, что так нельзя. Это противозаконно. Помилуйте...

– Помилую, если выполните мою просьбу в порядке исключения. Помилую и своим покровительством уберегу от всяческих проблем. – Говорю сдержанно, иначе особа через минуту упадет в обморок от страха. А я не хочу ждать, пока ее приведут в чувства нашатырем. – Где, по-вашему, я должен искать женщину? Писать объявление и покупать яйцеклетку у абы кого? Улавливаете степень абсурда? У вас база. Проверенные роженицы. Мне нужна здоровая и красивая! Кто здесь специалист?

Я загоняю Таисию Павловну в тупик не только авторитетом, но и вознаграждением. Выхватываю у нее шариковую ручку, нахожу на столе блокнот и молча рисую единицу и дописываю нужное количество нулей. Так, как мокнет Таисия, даже я не потею после двухчасовой тренировки в спортзале.

– Кхм... Богдан Александрович, вспомнила. Есть такая девушка на примете, сейчас покажу.

Доктор нервничает и, к моему изумлению, больше не щелкает компьютерной мышью, а достает из кармана халата телефон. Скользит по экрану настолько влажными пальцами, что остаются разводы. Она открывает профиль одной из соцсети и стучит по иконке с фото. Передает мне смартфон и замирает, будто готовясь услышать смертный приговор.

По ту сторону экрана на меня смотрит девушка.

Молодая. Ничего особенного. Каштановые волосы – вроде не крашеные. Похвально, что аккуратно причесаны. Светлая чистая кожа не тронутая перманентом и, кажется, макияжем. Банальщина. Серые глаза, большие, наивные. Говорю же, обыденная масса... Ей богу как из колхоза сбежала.

– Богдан Александрович, что-то не так? Вы слишком долго рассматриваете.

– Еще минуту.

Губы... легкая улыбка. Заразительная. Ловлю себя на мысли, что тоже начинаю улыбаться и тут же возвращаю контроль над мимикой. Таисия открыла для меня лишь одно изображение, но я хочу изучить незнакомку еще. Пролистывая все имеющиеся, оцениваю фигуру, рост. Просто захожу в личную информацию и выясняю семейное положение. Свободна. И мне до этого нет никакого дела. По крайней мере, с мужской позиции.

– Эстетически устраивает, – выношу вердикт и откладываю телефон в сторону. – Но у меня условие – девушка не должна знать, для кого рожает. Это очень важно. Теперь покажите мне ее в вашей базе.

Деловито бросаю последнюю фразу в лицо запуганной Таисии. Врач не моргает. Алё? Неужто в каталепсию впала? Провожу ладонью у ее глаз, и Таисия отмирает.

– Тут такое дело...

Я отдаю отчет своим действиям и именно поэтому так подробно выясняю все вплоть до мелочей. Это не совсем суррогатное зачатие, которое мы обсуждали с Таисией неделей раньше. Но девушке с фотографии об этом знать необязательно.

Не нужно быть главврачом клиники, чтобы понимать – генетически девушка будет матерью моего будущего ребенка, а это меняет дело. Поэтому я намерен оставаться инкогнито, и если сделка пройдет удачно, общение с роженицей возьмет на себя мой представитель. Ни к чему лишняя шумиха, а уж тем более попытки развести меня на куш. Я не скряга, просто не поощряю дармоедство.

– Открывайте уже свою базу, довольно тянуть кота за...

– Простите, но девушка не из списка клиники.

Щеки Таисии вспыхивают алым, а меня будто простреливает насквозь.

– И какого же черта, уважаемая, вы подсовываете мне невесть что? – облокачиваюсь на стол, склоняюсь ближе к пунцовому фейсу Таисии. – Вы играете с огнем.

– При всем почтении, я не могу рисковать, совершив оплодотворение женщины из базы. Вы слишком много требуете. И, к тому же, у нас нет в наличии кандидатки, чтобы подходила под ваш индивидуальный вкус.

Глаза Таисии поблескивают от накативших слез. Терпеть не могу, когда женщины плачут. Мне приходится сбавить напор.

– Девушка с фото очень красива, – говорю и тут же захлопываю рот – с чего вдруг я так решил? Мне всегда нравились модели, стильные девы с обложек, а не мелкие скромницы из разряда победительниц в школьной олимпиаде по физике. Простушка. Но естественная.

– Она из приличной семьи, – всхлипывает Таисия. – Я лично знакома с ее родителями. С матерью мы вместе работали еще в государственной поликлинике, отец инженер на пенсии.

– Достаточно, – перебиваю, – мне не составит труда проверить информацию о девушке вплоть до седьмого колена на предмет дурной наследственности. Меня волнует ее здоровье, не заморачивайте голову лишней болтовней. Надеюсь, после родов она не захочет оставить ребенка себе?

– Ну, что-о вы?! – хватается за грудь и округляет глаза Таисия. – С девушкой будут работать психологи. Мы возьмем на себя юридическую ответственность...

Липовую, конечно же. Я ухмыляюсь. Таисия продолжает:

– ...У девушки пока нет детей, и это подразумевает за собой риски. Но думаю, кандидатка не откажется поиметь столь щедрое вознаграждение. Не переживайте, девицы сейчас падкие на деньги, семью заводить не спешат.

– А сделать тест ДНК у нее не хватит ума?

– Повторюсь, у нас подготовлен целый штат психологов, Богдан Александрович.

Вот и краткая инструкция как заработать почти миллион вырисовывается. А мне нужен наследник. И я готов оплатить все обследования, питание и наблюдение. Это дорого. Но будущий ребенок ценней.

Сначала я все-таки наведу справки о некой Майской Валерии Михайловне. Одна тысяча девятьсот девяносто четвертого года рождения. И если не выплывут подводные камни, в стены клиники вернется уже мой представитель... чтобы заключить сделку.

Наши дни

Теперь у меня есть дочь. Прекрасная Александра, которая носит имя в честь моего отца. Я слишком люблю свою малышку. Ради нее мне пришлось подумать о женитьбе, ведь она девочка, и общение с матерью важно, как ни крути. Но Инне еще предстоит обучиться всем тонкостям общения с детьми, поэтому на промежуточном этапе нам необходима добротная няня.

Но ни первая, ни вторая, ни даже двенадцатая меня не устроила. Я ждал тринадцатую претендентку. Чертова дюжина, несчастливый номер. И каково же было мое удивление, когда в пятницу после звонка из агентства со словами “к вам направляется самый лучший специалист в нашем городе, не сомневайтесь” порог моего дома переступила именно она – Валерия Михайловна.

Я понимаю, что это неспроста, но мне до жути интересна ее авантюра. Очевидно, мадам задумала развести меня на деньги. Отобрать дочь. Много вариантов крутится в моей голове с первой минуты ее появления. Зря, конечно, Валерия Михайловна, затеяла сей финт, но я принимаю правила игры и беру девушку на работу.

Однако спускать с рук такой просчет главврачу не собираюсь. Возвращаюсь в особняк из клиники, где успел навести бучу до истерики Таисии Павловны. В хлам разнесу эту шарагу!

Смерчем вылетаю из авто. Ору. Продолжаю разборки, но уже с администратором клиники по телефону. Мои глаза затуманены яростью, с кулака распахиваю входную дверь так, что она с грохотом ударяется в стену.

– Писец вам, и года не протянете! Это я гарантирую!

– Пожалуйста, успокойтесь, Богдан Александрович. Такого не может быть! Мы разберемся...

– Идите вы...

На взводе останавливаюсь посреди гостиной и не успеваю послать админа на три заветных. Мое внимание полностью украла Валерия. Очаровательно. Идет, хлопает своими большими глазами. Аферистка.

Глава 6

Лера

Ой... Таким бешеным Царёва я никогда не видела. Куда подевался тот непробиваемый бизнесмен, похожий на глыбу льда? Богдан горит, как огнем пылает. Его глаза блестят, икрятся, отражая свет потолочных ламп и откровенный гнев. В Богдана точно вселился злой дух. Он дышит, как разъяренный зверь, широкая грудь вздымается, плотно натягивая ткань рубашки. Царёву жарко, а мне холодно от его пристального взгляда.

И зачем я вышла именно сейчас? Но уже поздно.

На слабых ногах аккуратно спускаюсь по ступеням, придерживаясь за лестничные перила. Каждый шаг дрожью отзывается в теле. А Царёв смотрит на меня. В упор. Он не сводит глаз, даже когда медленно отстраняет телефон от лица и так же медленно прячет его в брючный карман.

Кажется, Царёв мысленно просчитал до трех, потому что едва моя нога ступила с последней ступеньки, Богдан тут же резко выдохнул и выпрямил свою величественную статью.

Но мужчине нужно остыть, перед тем как я расскажу ему о персонале. Не вяжется нахальное поведение служанки и охранника с таким хозяином особняка. Решаю помочь мужчине.

– Знаете, есть практика в одной из медитаций буддистов: сначала тянете м-м-м...– я закрываю глаза и искренне стараюсь, – а потом ах! Очень успокаивает.

Слишком надолго затягивается немая пауза. Богдан по-прежнему злющий и смотрит на меня сверху вниз как на что-то нелепое. Полную несуразицу. И я жалею, стыжусь свой непрошенной помощи.

Через секунду Царёв снисходительно хмыкает и отводит взгляд в сторону.

– В другом месте надо эти звуки произносить и желательно вдвоем.

Богдан разворачивается и твердой походкой отдаляется прочь к лестнице, оставляя мне откровенное недоумение и шлейф приятного аромата одеколона. Почесываю затылок и посматриваю спину Царёва.

Краем глаза замечаю служанку, что притаилась за углом и подслушивает. Надеюсь, яду мне не подсыплет в чай или кофе. Она ведь тут всем заправляет.

– Интересно шпионить? – позволяю себе обратиться к женщине, когда Богдан окончательно скрывается из вида.

– Ты пожалеешь, что вообще переступила порог этого дома... – гадюкой шипит из-за угла служанка.

И сама на змею похожа. Рано состарившуюся от собственной гнили.

– Посмотрим!

– Посмо-о-отрим...

– Посмотрим!

Бесцеремонно фыркаю ей в лицо.

Я бы могла пулей кинуться за Царёвым, но боль от ушиба слишком велика даже после приема таблеток. Плетусь к лестнице. Подниматься, оказывается, намного труднее. Мысленно ругаюсь и, стиснув зубы, карабкаюсь наверх.

Главное, чтобы Царёв не заметил, а то посчитает неспособной ухаживать за его дочкой. Пусть и временно. Не думаю, что бизнесмен станет оплачивать мой больничный в первый же день после знакомства.

Черепашкой доползаю на второй этаж и только сейчас вижу испачканный подол платья. В грязищи и зеленых разводах от травы. Нет, в таком наряде нельзя показываться Богдану.

Ощущаю себя бурлаком на Волге, но, взяв волю в кулак, преодолеваю еще пролет. По коридору двигаюсь в спальню, открываю дверь, спешу к чемодану. Так и не успела разобрать вещи.

Кидаю мимолетный взгляд в окно и, к счастью, не вижу во дворе извращенного Наура. Мне нужны шторы, и это уже не прихоть, а необходимость. Сама закажу с доставкой.

Торопливо стягиваю платье и остаюсь в белье. С досадой стону, когда замечаю синяк на полбедре. Ужас. Такую гематому, наверное, с Семинского перевала будет видно...

Ох уж этот ненормальный амбал.

Нагибаюсь, достаю из чемодана светлую блузу. Темные джинсы, чтобы скрыть травму. Молниеносно вздрагиваю и словно превращаюсь в камень от неожиданности.

– Пора заканчивать этот фарс!

Господи. Незапертая дверь распаивается, а строгий голос звучит как гром среди ясного неба. Царёв кричит. Нет, орет, ураганом врывается в мою комнату, забывая обо всех рамках приличия. Пару мгновений мы оба замираем в

растерянности, но я прихожу в себя раньше.

Пугаюсь, громко визжу, прикрываюсь от глаз Царёва. Мужчина больше не хмурится, а внимательно скользит по мне взглядом, осматривает полностью, кажется, будто не слышит моих высокочастотных воплей.

– Богдан Александрович?! – наконец, беру себя в руки.

– Отложим разговор.

В этой нелепой ситуации дурею лишь я, но никак не Царёв. У мужчины талант сохранять невозмутимость при любой погоде. Он, дернув бровью, опускает глаза в пол и тактично выходит из спальни, не забыв плотно закрыть за собой дверь.

Я поддалась эмоциям и теперь трясущимися руками пытаюсь застегнуть блузу, с трудом попадая в петельки. Я смотрюсь в зеркальное отражение и не понимаю, о каком фарсе заговорил Богдан. Неужели ему стало известно, что меня по блату направили из агентства по подбору нянь?

Выдуваю ртом воздух и будто оказываюсь в одном шаге от пропасти. Только порадовалась, что устроилась на достойную работу и смогу навсегда отделаться от кредиторов, что вот-вот вытащу обманутых родителей из тягостного бремени, как Царёв фразой рушит мой мир на мелкие осколки.

До рези в глазах не хочется появляться перед господином, но в то же время я не собираюсь просто так прощаться с работой. Пусть сначала докажет мой непрофессионализм.

Прихрамывая, осторожнодвигаюсь из комнаты и понятия не имею, где в этом огромном особняке искать Богдана. Спускаюсь на второй этаж, и ноги будто сами останавливаются напротив детской. Царёв не отдавал указа приступить к обязанностям, и все же я дотрагиваюсь до деревянного полотна, нажимаю – хочу проверить, как дела у малышки.

Оглядываюсь по сторонам, захожу в комнату, прикрываю дверь. У девочки послеобеденный сон, в детской потемки. Портьеры на окнах завешаны, и они настолько плотные, что не пропускают и лучика солнца. У колыбели горит

ночник, окутывая тусклым розовым светом маленький островок. И так тихо тут...

Я крадусь на цыпочках ближе к кроватке, склоняюсь, наблюдая за спящей Сашенькой в модной распашонке с Фиксиками. Представляю, как с завтрашнего дня буду нянчиться с девочкой. Кормить, играть, развивать. С чего же начать грядущее утро?

Я уже работала с детьми чужих людей. Даже рожала для чужих не так давно. Боже. От накативших воспоминаний кажется, что становлюсь такой же черной, как пространство вокруг, не тронутое дымкой светильника.

Опять мерещится та ночь. Она обожженным клеймом навсегда отпечаталась в моем сердце. Ночь, когда я подарила неизвестному человеку дитя в стенах роскошной клиники. Три триста грамм... сорок четыре с половиной сантиметра...

Я наблюдаю за спящей Сашенькой, сильнее впиваясь пальцами в бортики колыбели.

Мне слышится женский голос главврача с ее излюбленной фразой "Вы всего лишь сосуд, милочка". Как сорока повторяла одно и то же.

Впрочем, со мной работали и специалисты. Я понимала, что такой способ зачатия в нашем мире – бизнес, помощь потенциальным родителям, которые не могут или не хотят вынашивать самостоятельно. А меня жизнь заставила... Ведь я тоже ребенок, пусть и совершеннолетний. Тоже росла с мамой, отцом. Потом они состарились и...

Запрокидываю голову и пытаюсь унять дрожь. Принимая решение пойти на суррогатное материнство, не осознавала, насколько это будет тяжело морально. Пожалуй, на сегодня достаточно воспоминаний, иначе опять придется выпить седативное. Еще и расплакаться могу. Царёв не должен видеть меня в неподобающем настроении. Он и так нервный после возвращения из города, очевидно, случилось что-то из ряда вон выходящее. Или мужчина, как обычно, поцапался с конкурентами, а по стеночке ходить должны мы. Такое бывает в его сфере деятельности. Вдобавок слова о фарсе, о котором заговорил Богдан, острой бритвой царапают душу.

А Сашенька проснулась и кряхтит. Я улыбаюсь, глядя на малышку со смешным пушком на голове. Протягиваю руки, дабы снова убаюкать ребенка.

– Восхитительно!..

И это говорю не я, а твердый бас. Голос, что ударяет по вискам током.

На рефлексх отшатываясь от колыбели, оборачиваюсь на звук и только сейчас замечаю в дальнем углу комнаты Царёва. Точнее, узнаю о его присутствии, ведь в темноте невозможно различить что-то.

Удерживая равновесие, вытягиваюсь по стойке смирно и слышу медленные отчетливые шаги. А в душе разгорается буря. Через мгновение щелкает выключатель, и детская заполняется ярким потолочным светом. Щурюсь, пока привыкают глаза, моргаю.

Богдан останавливается в шаге от меня, недовольно скрещивает руки на груди, а я вижу, что он успел снять пиджак и сменить рубашку. Небрежно закатал рукава до локтей, обнажив разноцветную татуировку, которую в повседневности предпочитает скрывать.

С опаской поднимаю взгляд на его лицо.

Сычом на меня смотрит, недоверчиво. Кажется, Царёв пытался остудить свой пыл, умываясь под краном. У мужчины до сих пор влажные волосы, и нет безупречной укладки, как всегда – они пальцами зачесаны назад.

– ...И что же вы тут забыли, Валерия Михайловна? Разве я отдал приказ?

Давит, давит своим авторитетом Царёв. Будто я не нянька, а преступница. Удивляет, сражает меня практически наповал. Странно наблюдать его реакцию, но я пытаюсь искоренить конфликт еще на стадии зачатка. Поэтому улыбаюсь, говорю тише, ласково:

– Я всего лишь хотела проверить Сашеньку. Ведь сегодня она осталась без профессионального присмотра...

К сожалению, Богдан не оценивает моего поступка. Его губы не дрогнули в ответ. А может, я плохо знаю Царёва и его ипостась миллионера – это вредина и зануда?

– Александра, – склоняется близко, его дыхание задевает щеку, – МОЮ наследницу, – акцентирует, – зовут Александра.

– Хорошо-хорошо!

Малышка хнычет, и мы оба замолкаем. Чисто на инстинктах, слыша плач, я возвращаюсь к кровати и все-таки беру на руки девочку. Прижимаю к груди, покачиваю. Искоса наблюдаю за Богданом, а сама заигрываю с АЛЕКСАНДРОЙ. Щекочу ее носик, корчу рожицу. Малышка Царёва находит меня смешной и прекращает истерику.

– У вас очень красивая дочь.

– Конечно! – горделиво бросает Царёв, следя за каждым моим действием.

– На маму похожа, да?

Продолжаю легкий диалог, но мужчина отчего-то снова злится:

– На маму?!

Ох, как же Царёв напрягает пасть! По-звериному. Рычит, рычит сквозь стиснутые зубы. А я оправдываюсь, чтобы не показаться глупой:

– Богдан Александрович, простите, но у вас глаза голубые, у доченьки серые. Вы блондин, а она темнее. И нос другой, и губы...

Говорю и тут же захлопываю рот, наблюдая, как мужские скулы заливают румянцем. Царёв вскипает, однако не желает кричать при ребенке. Сдерживается.

– Попросил бы вас... больше не затрагивать эту тему. Валерия. И учтите, по дому развешаны камеры, любое деяние как на ладони.

– В моей комнате тоже есть?

– В вашей нет.

– Тогда ладно, мне не жалко, – расслабленно хмыкаю и уже начинаю привыкать к загадочным выкрутасам Царёва. Перевожу внимание на малышку и вижу, что она задремала. – Папина доча...

Осторожненько укладываю девочку обратно в кроватку и решаю наябедничать Богдану чуть позже. Сегодня он явно на взводе. Нужно испариться поскорей с глаз долой, словно меня здесь и не было, и я только померещилось Царёву.

Разворачиваюсь и, прихрамывая, направляюсь вон.

– Пойдите, Валерия Михайловна, – в секунду настигает меня и едва дотрагивается ладонью до поясницы, – пройдемте в мою спальню.

Глава 7

– А почему именно в спальню? Разве нельзя поговорить в кабинете? – задыхаясь, шепчу.

Но для Богдана мои намеки на несогласие не имеют значения. Его рука напрягается, а напор усиливается. Царёв удерживает меня за талию и пальцами давит под ребра, еще крепче прижимая к себе. Как подружку.

Он идет уверенно, но медленно, против воли ведет меня за собой. Подпрыгивая на здоровой и чуть касаясь пола больной ногой, я стараюсь упираться. Мне совершенно не нравится эта идея.

– Потому что моя комната, Валерия Михайловна, гораздо ближе к детской, – все еще недовольно рявкает Богдан. – А сон у меня чуткий. Понимаете?

– Не совсем, но если хотите, я заварю вам пустырник.

Дергаюсь, пытаюсь оттолкнуться. Богдан, конечно же, не берет во внимание мою фразу и продолжает:

– Даже если глубоко-глубоко ночью кто-то попытается прошмыгнуть по коридору незамеченным... и, к его большому сожалению, войти в детскую без надобности, я все равно услышу. Ясно?

– Ясно-ясно! – панически взвизгиваю.

Неужели в доме Царёва есть шпионы, и мужчина хочет сказать, чтобы я тоже была настороже? Матерь Божья!

От неожиданности я вновь кричу, когда Богдану надоедает бороться с моими суетливыми жестами. Он просто обхватывает меня рукой и отрывает от пола. Просто как мешочек в пятьдесят килограмм. Через секунду Царёв пинком открывает комнату и затаскивает меня в нее. Громко хлопает темной дубовой дверью. Отшатываюсь и растерянно смотрю на Богдана. Что он задумал?

А в спальне Царёва очень-очень пахнет тем самым одеколоном. Я оглядываюсь, рассматривая роскошный интерьер в багровых тонах с позолотой – ничего лишнего, и даже спрятаться негде. Кровать. Огромная, с тяжелым балдахином. Королевская.

Сглатываю, когда Царёв будто разорвал меня на кусочки взглядом и теперь шаг за шагом приближается.

– Я вас предупредил.

– Всё понятно! Теперь, зная это, буду намного осторожней. Хитрее. Продуманней...

Но что бы я ни отвечала Богдану, он все расценивает как-то странно. Будто мы говорим на разных языках или слова долетают до Царёва исковеркано.

А мне жутко, и я по привычке трясусь. Вытягиваю руку между нами как преграду. Мужчина замирает, когда моя ладонь ложится ему на грудь.

– Вы должны мне рассказать, Валерия... То, что с вами происходит, недопустимо для работницы в моем доме.

Царёв берет мое запястье и отстраняет от груди, разрывая контакт. Если Богдан имеет в виду фарс, то откровенничать точно не буду. Пусть принесет доказательства. Я готова зубами держаться за эту работу.

– Не знаю, о чем вы интересуетесь.

Господин ухмыляется, почти неосознано дотрагивается кончиками пальцев до моего бедра.

– Это, – слегка надавливает. – Я видел, Валерия, гематому.

– Ерунда...

Стыжусь, но тоже натягиваю улыбку, дабы разрядить обстановку. Воздух будто сгущается и нагревается. Просторная комната становится слишком тесной для нас двоих.

– Вы подвергаетесь насилию? От кого терпите побои? Сожителя?

У меня мгновенно округляю глаза, я в недоумении пялюсь на Богдана:

– Я поскользнулась во дворе, упала и ударилась о бордюр.

– Врешь.

– Нет, Богдан Александрович, – и тут призадумываюсь. – Вы можете спросить у Наура, он свидетель, как все произошло.

– Уже успели познакомиться? – хмыкает. – Точно не сожитель?

– Я пока не в отношениях, но это же для вас не важно?

– Абсолютно. Мне все равно на семейное положение няньки, – не лезет за словом в карман Царёв.

Я чувствую тепло и давление внизу живота, мне щекотно. Опускаю глаза и вижу, как руки Богдана бесцеремонно расстегивают пуговицу на джинсах. Забывая о боли, взвинчиваюсь, протестую:

– Что вы делаете?!

– Мне нужно осмотреть травму, – спокойно и твердо говорит, тянет ширинку.

– Еще чего!

– У вас может быть трещина, тогда следует вызвать врача. Валерия Михайловна, прекратите дергаться, вы не волнуете меня как женщина.

Богдан сильнее. Тискает и настаивает на своем. Я слышу треск штанов, борюсь, впиваясь пальцами в руки Царёва. Да, в придачу, не волную его как женщина!

Ноги подкашиваются, чуть не падаю – господин успевает подхватить. У меня все плывет перед глазами, когда Богдан опять настаивает и приказывает снять джинсы. Он не намерен принимать отказ и распаляется вдвойне.

Извиваюсь и кожей чувствую его кожу, с перепуга размахиваюсь и одариваю хозяина дома жгучей пощечиной. Богдана словно парализует. Такого выражения лица, с каким он сейчас на меня смотрит, никогда ни у кого раньше не видела. Мужчина набирает в воздух легкие, готовясь изжить непокорную няньку с лица земли.

В голове шумит, сердце работает на износ, я ничего не соображаю. Богдан резко и коротко фыркает, нависая надо мной. Кажется, я переступила грань дозволенного, совершила непростительную ошибку, но ведь Царёв вынудил.

– Вы!..

Ну все. Это конец. Сейчас уволит. Уходить так с музыкой. Слезы наворачиваются на глазах, и я будто схожу с ума. Привстаю на цыпочки, обхватываю Царёва за

шею, дергаю вниз и...

Целую. Касаюсь губами его губ. Робко. Сбито выдыхаю, окутывая его лицо своим ароматом. И...

Богдан отвечает. Страстно, быстро. Грубо. Он целует меня так, как никто не целовал прежде. С жаждой звериной, напористо. С собственнической жадностью. Властно. Словно выпивает меня полностью. Сдавливает губами, теряя над собой контроль. Такой мощи, подобной взрывной волне, я от Богдана не ожидала. Этого огня на губах, ласки.

В полном бреду уваливаю, выскальзываю из рук господина. На ощупь бегу прочь из комнаты, потому что глаза уже ничего не видят.

Богдан

Что позволяет себе эта девушка?! Как некрасиво, невоспитанно, бестактно! Ни в какие ворота не лезет! Я подам на нее в суд и буду требовать высшую меру наказания! Кто так поступает?! Сначала целует и, добившись взаимности, сбегает как ошпаренная. Я наложу на няньку штрафные санкции!

Хотя, если отбросить иронию, я сам до конца не понимаю, что это вообще было. Но догадываюсь, что сей выпад Валерии Михайловны был исключительно для того, чтобы запудрить мне мозги. Сбить с толку.

Кажется, няньке стало ясно, что я в курсе о ее планах на мою дочь. В курсе, что узнал Валерию спустя два года.

Да, биологически девушка – мать Александры. Однако я заключал договор с клиникой, оплачивал роды и все обговаривал на берегу. Она получила деньги, но, видимо, захотела больше. Пусть еще решится на шантаж за не слишком законное мероприятие, тогда точно даже бездомные, живущие под теплотрассой, не позавидуют Валерии Михайловне.

Я стою в центре комнаты и продолжаю чувствовать на губах вкус няньки. На стрессе облизываюсь и принимаюсь нарезать круги от постели к шкафу. Нервно сжимаю кулаки за спиной. Сегодняшний день точно пошел по одному месту. Не следовало бы и вовсе просыпаться.

После скандалов в клинике взбесился и чуть не высказал няньке все, что о ней думаю. Вот этой заурядной, ничем не привлекательной девушке. Штампованной няньке, что бесцветно затеряется в толпе. Таких миллионы, и они все на одно лицо.

На взводе оглядываю постель, до хруста напрягаю руки.

Раздражает. Но игра стоит свеч, и я обязательно выведу на чистую воду эту аферистку. Мне не составило бы труда отшить няньку с самого начала. Запугать так, чтобы девица остаток дней заикалась. Однако это слишком просто и неинтересно. Я буду гонять Валерию Михайловну, как крысу в лабиринте. И начну прямо сейчас.

Глубоко вдыхаю, на резком выдохе разворачиваюсь, стремительно покидаю комнату. Распахиваю дверь и чуть не сшибаю с ног служанку Самару.

– Что ты здесь делаешь?

– Ходила проверить маленькую госпожу. Кормила, – демонстрирует поднос с посудой и остатками пюре. Самара отводит взгляд в пол. – Богдан Александрович... эта нянька... я бы внимательнее к ней присмотрелась... новый человек в доме...

– Позволяю.

Дополнительный контроль сейчас не помешает. Ведь я не могу постоянно находиться в особняке. У меня бизнес. Самара кивает и спешит удалиться, но я останавливаю ее фразой, вспоминая травму на асексуальном бедре Валерии Михайловны.

– На птичьих правах в доме, а уже успела убиться! – импульсивно выкрикиваю, посвящая каждое слово няньке. – Упала во дворе! Ты видела, как это произошло?

– Нет-нет, Богдан Александрович...

Странно. Обычно мимо взора Самары и муха не пролетит. Наверное, была отвлечена делами. Хотя отрицательный ответ из уст служанки явление редкое.

– Позови нашего семейного врача, пусть осмотрит няньку. Не хватало еще калеку на работу принимать.

– Да, господин.

Служанка торопливо скрывается из вида. Теперь я стою не в спальне, а в коридоре. Забыл зачем вышел. Несколько секунд залипаю глазами на темно-шоколадные стены, срываюсь с места и решаю направиться в кабинет с чистым намерением доминировать.

Заставлю китайцев для начала проходить верификацию, а уже потом осыпать меня коммерческими предложениями. И стоимость, наконец, повышу на свои ресурсы. Инфляция. Давно хотел это сделать, да все откладывал.

Только переступаю порог кабинета, как в кармане оживает телефон. Звонит Инна.

– Богданчик, дорогой, я вылетаю обратно!

С чего бы вдруг?

– У тебя отдых заканчивается в конце следующей недели, – недоумеваю. – Сама же просила девичник в Милане с подругами, шопинг перед свадьбой.

– Соскучилась, сил нет. И по Александре соскучилась. Тянет к доченьке, не могу больше...

По ту сторону динамика Инна всхлипывает. Она слишком нежная и порой пускается в эмоции. Мне тоже не помешало бы отвлекаться, и невеста в этом поможет. Определенно.

– Я закажу билеты.

– Не нужно, любимый! Я все сделала сама!

– Когда прилетаешь?

– Сегодня вечером. Целую. Люблю вас!

Эм... Не перестает удивлять этот день.

Ладно. Я подхожу к столу, усаживаюсь в кресло и, открыв ноутбук, пытаюсь сконцентрироваться. Растираю виски и рассматриваю диаграммы прибыли на экране. Но мысли по-прежнему где-то в стороне.

Не жалея устройство, хлопаю чертовой крышкой и вновь поднимаюсь. Вылетаю из кабинета, быстро миную лестницу и первый этаж, выхожу на улицу и спускаюсь по крыльцу в поисках Наура. Следует отдать ему приказ, чтобы встретил Инну в аэропорту.

Территория большая – сад, зона отдыха и подсобные строения. Проще было позвонить, но я решаю немного прогуляться. Освежиться. В моем дворе с легкостью мог бы разместиться городской парк.

Медленно шагаю и дышу. Выпускаю ртом воздух. Это был первый и последний раз, когда я разрешил себе слабость. Я огибаю восточную стену особняка и шагаю на задний двор. Издали вижу Наура, что замер ближе к забору и с расстояния наблюдает за домом. Охранник в черном не двигается. Выслеживает. Зачарованно въедается глазами в одну точку. Меня не замечает.

И что же, скажите на милость, так привлекло его внимание? Даже покинул пост.

Возможно, каменная кладка дала трещину? Я выпишу премию Науру, что вовремя увидел. Архитектора в камине не сожгу, но придумаю что-нибудь изощреннее. Я ускоряю шаг, стремительно приближаясь к охраннику.

– Наур!

Тот слышит голос и мгновенно отворачивается, двигается мне навстречу.

– Слушаю.

Не человек, а машина. Будто сделан из железа, а не из плоти. Бывший силовик. Специально подбирал такого для безопасности, и Наур неплохо справляется со своими обязанностями.

– Вечером заберешь Инну. Она прилетает. Возвращайся на пост.

– Будет сделано, – хрипло отвечает и безукоризненно подчиняется.

Когда Наур скрывается за домом, хмурюсь. Детально разглядываю стены особняка на предмет дефектов. Мрамор безупречен и чист. Задерживаюсь на панорамном окне третьего этажа. Мой интерес снова украден. По ту сторону стекла я вижу няньку.

Глава 8

Лера

Опираюсь руками в подоконник и будто рассеиваюсь на мельчайшие частицы, переставая ощущать собственное тело. Чувствую лишь жар, он концентрируется в грудной клетке. Как сложно унять сердечный ритм и обрести покой.

Я поддаюсь магнетизму Царева, контрасту моих теплых вибраций в противовес его ледяному взгляду. Глаза Богдана бесподобны, в них с легкостью можно потонуть, вот только он каждую секунду нашего зрительного контакта транслирует недовольство. А я улыбаюсь и, наконец, с облегчением выдыхаю. Искренне радуюсь господину, пусть он сейчас с высокомерием приподнимает бровь.

Все равно улыбаюсь, прилипла к стеклу, прижала к нему ладонь. Царёв недвижим и величественен. Правда, теперь я сверху, и меня видно, как рыбку в аквариуме. Почему Богдан не уходит?

С волнением вспоминаю наш поцелуй. Точнее, неистовую взаимность, с которой ответил Царёв. До сих пор не верится. Думала, что за пощечину сразу уволит, и решилась вкусить запретный плод – мужчину, которым во снах грезят почти все дамы нашего города и не только. Но не прогнал.

Царёв разворачивается первым, скрывается в глубине сада.

Я отстраняюсь и возвращаюсь в постель, сажусь на краю, осторожно дотрагиваюсь до бедра. Зависаю, люблюсь алыми облаками на горизонте. Стало быть, завтра похолодание. На эмоциях от Богдана у меня пересыхает в горле, очень хочется пить, но покидать комнату стыдно. Как маленькая, спряталась в домике и считаю, что меня никто не найдет.

Я снова опускаю взгляд на верхушки голубых елей. Признаться, владения Царёва восхищают тщательно продуманным ландшафтом. Внутреннее возбуждение сменяется ознобом. Отталкиваясь руками от матраса, с трудом поднимаюсь и решаю переодеться.

Медленно двигаюсь к шкафу. Интуитивно в душу закрадывается тревога. Нечеловеческая. Лютая. Я знаю, от кого буквально фонит этой энергией. Краем глаза опять замечаю черный образ Наура. Он притаился возле статуи льва и отслеживает меня из засады, как хищник.

Это уже ненормально, еще одно появление охранника, и у меня точно появится фобия. Я отведу Науру место рядом с пауками в копилочке моих страхов. Сейчас мужчина не так близко, не под самыми окнами, но мне от этого не легче. Больше всего на свете я бы не хотела стать чьей-то манией, тем более такого странного верзилы.

Мне нужны шторы! Но ткани, даже самой дешевой, понадобится метров шесть, на нее вылетит несколько тысяч. Достаю кошелек, пересчитываю содержимое. Я дожилась до того, что и серьезных купюр в кошельке не осталось. Сушная мелочь да сотки. Волей-неволей мне придется попросить у Царёва аванс, иначе я никогда не смогу спать по ночам.

Хватаюсь за шкаф, когда дверь в мою комнату внезапно открывается.

– Зачем пришла?

Напрягаюсь и недружелюбно встречаю у порога служанку. Она язвительно зыркает и поджимает свои тонкие губы. Самара откровенно ненавидит меня – это чувствуется.

– Хозяин прислал доктора, – нахально шагает внутрь спальни, останавливается почти вплотную и цедит, – лучше бы ты головой ударилась...

– Пошла вон.

– С удовольствием. Здесь все нищетой провоняло, дышать нечем. – Самара надменно задирает нос, оглядывая меня с головы до ног. – Скоро возвращается наша госпожа, и тебе придется несладко.

– Я всего лишь нянька.

– Ну-ну...

Что она имеет в виду?

А я стою. Царапаю ногтями деревянную створку шкафа, наблюдая, как служанка победоносно удаляется прочь, на ходу поправляя белый фартук.

Еще секунда, и я бы точно заплакала, но беру себя в руки, когда у входа спальни Самара пересекается с незнакомым мужчиной в медицинском халате. Седому врачу плевать на наши междоусобные войны. Он приветлив и чем-то похож на моего папу. Я постепенно расслабляюсь и наслаждаюсь его добротой, что как глоток свежего воздуха в этой золотой клетке.

Укладываюсь на постель и стаскиваю штаны до колен, жалуюсь врачу на дискомфорт при ходьбе. Шикаю, когда мужчина, надев перчатки, надавливает на синяк, проверяя травму.

– Теперь лягте на живот.

Послушно выполняю просьбу и боюсь услышать новость о наложении гипса или чего похуже. Не хочу валяться на больничной койке с подвешенной ногой. А

вдруг спицы вживлять заставят?

– Сильный ушиб, я пропишу вам мазь и уколы на первое время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mila-dali_/nesluchaynaya-mama-dlya-dochki-millionera

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)